Елизавета Малинина

Сердце старого монаха

Сердце старого монаха?–
Нежный ветер
Меж бескрайних просторов небес.

Рёкан – дзэнский монах, поэт и отшельник, один из самых светлых и удивительных людей во всей истории японского дзэна. Что знаем мы о нём? Чудак-бродяга, который самозабвенно отдаётся играм с деревенскими детьми, живёт в лесу в крошечной хижине с протекающей крышей, стены которой увешаны стихами, проникнутыми беспредельной нежностью ко всему живому. Когда же в эту хижину заходит вор в надежде хоть чем-нибудь поживиться, он сворачивается калачиком и делает вид, будто спит, предоставляя бедолаге полную свободу действий. Его, впрочем, невозможно ограбить, ибо богатство его не от мира сего. Молва бережно хранит рассказы о том, как Рёкан снимал со своего плеча ветхую одежду, чтобы отдать её нищему, зашедшему в его хижину за подаянием, или о том, как делился с дикими животными рисом; как ночами оставлял неукрытой ногу для пропитания насекомых... Трудно не вспомнить при этом святого Франциска Ассизского и его беспредельное сострадание ко всему сотворённому Богом миру.

Чудаковатый дзэнский отшельник излучал так много чистоты и света, что люди, общаясь с ним, попадая в поле его безграничной любви и кротости, словно очищались сами. И хотя он был монахом, никто из знавших его не помнил, чтобы он наставлял кого-то или читал нотации. Одного его присутствия, его доброй, исполненной нежности

Елизавета Евгеньевна Малинина – кандидат искусствоведения, доцент восточного факультета Новосибирского государственного университета.

Приходи в мою хижину
В гости к осенним полям –
Слушать песню цикад.

Узнаю твой голос
В пении кукушки...
Ещё один день – с горами наедине.

Вместе с детьми
Урожай собираю...
Не в этом ли счастье?

В странствии со мной
Мысли о людских печалях
И кукушки пенье.

Весь день – у окна...
Мой одинокий приют окружает
Шорох падающих листьев.

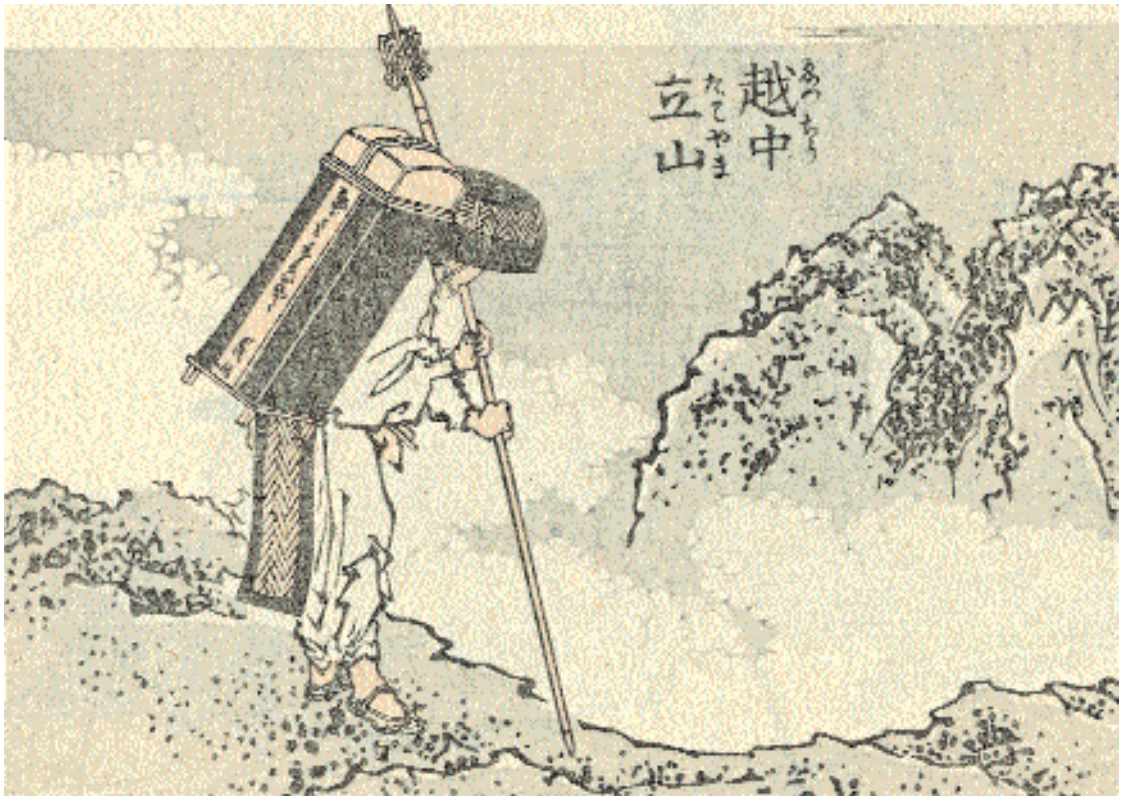
Распеваем песни, читаем стихи,
Играем на полянах в мяч –
Два человека, одно сердце.

Думая о печали
Людей в этом мире...
Печален сам.

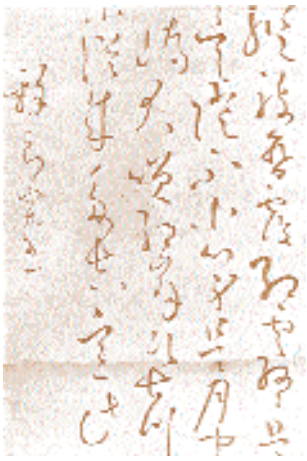
Дождливою ночью зимой
Юность припомнил...
Как сон, что однажды приснился.

и сопереживания улыбки было достаточно, чтобы человек ещё долго носил в себе излучаемый им свет. Само имя Рёкана (*рё* означает «хороший», *кан* – «великодушие», «душевная щедрость»), данное ему при посвящении в монашество, оказалось как нельзя более созвучно его всегда готовой откликнуться на чужую боль душе. Один из тех детей, кому посчастливилось проводить время в обществе Рёкана, позднее, повзрослев и сохранив память о необычном монахе на всю жизнь, напишет о нём: «Учитель провёл две ночи в нашем доме, но и этого было достаточно, чтобы наполнить жилище гармонией и миром. Стоит нам заговорить об учителе, как появляется чувство, будто наши сердца светлеют. Рёкан никогда не поучал нас, как жить. Он иногда лишь собирал хворост, чтобы развести огонь на кухне, либо медитировал, сидя в отдельной комнате, где расстелены татами... Он жил тихо, но нет слов, чтобы описать это...»

Рёкан родился предположительно в декабре 1758 г. в местечке Идзумодзаки провинции Итиго, что на западном побережье Японии. Сегодня этот район известен как префектура Ниигата – та самая «снежная страна», что была описана в одноимённом романе Кавабата Ясунари. В детстве мальчика звали Эйдзо. Будучи старшим сыном городского главы, да к тому же и талантливого поэта, Рёкан, как того требовал обычай, должен был унаследовать дело отца. Однако тихий, склонный к созерцанию мальчик, подолгу просиживавший за изучением конфуцианских книг, не проявлял ни малейшей склонности к административно-хозяйственной деятельности. Решению молодого человека отказаться от престижной должности и стать монахом можно было бы удивляться, не зная глубоко



Фрагмент каллиграфической композиции Рёкана «Осенней ночью наслаждаюсь луной».

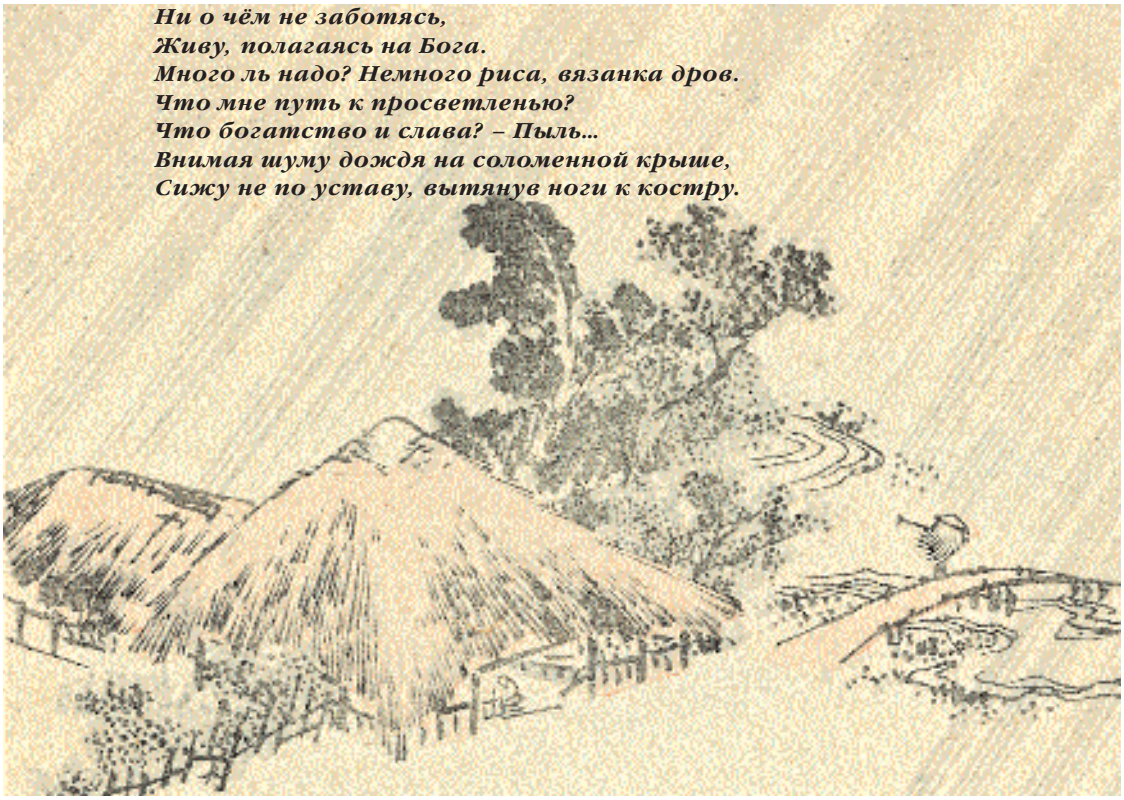


религиозной и набожной атмосферы, царившей в семье Рёкана. Судьба всех его братьев и сестёр так или иначе оказалась связана с монашеством, и даже его брат Ёсиюки, унаследовавший в конце концов должность городского главы, не стал исключением и позднее всё же обрил голову и жил в уединении.

Как бы то ни было, но в 18 лет несостоявшийся городской глава покидает родной дом, чтобы стать монахом дзэнского храма Косёдзи в соседнем городе. Здесь его и нарекают новым монашеским именем Рёкан, под которым он нам известен сегодня. Спустя 4 года происходит одно из самых значительных событий в его жизни – встреча с Учителем. Край, где проживал Рёкан, посещает известный дзэнский мастер Тайнин Кокусэн. Молодой монах более не расстаётся со своим новым наставником и в конце концов возвращается вместе с ним в родные края Кокусэна, в дзэнский храм Энцудзи, настоятелем которого и был Кокусэн. Годы, проведённые там, небогаты внешними со-

бытиями, но исполнены напряжённых духовных исканий и интенсивной внутренней работы. Последующие 12 лет жизни Рёкана будут связаны с этим храмом.

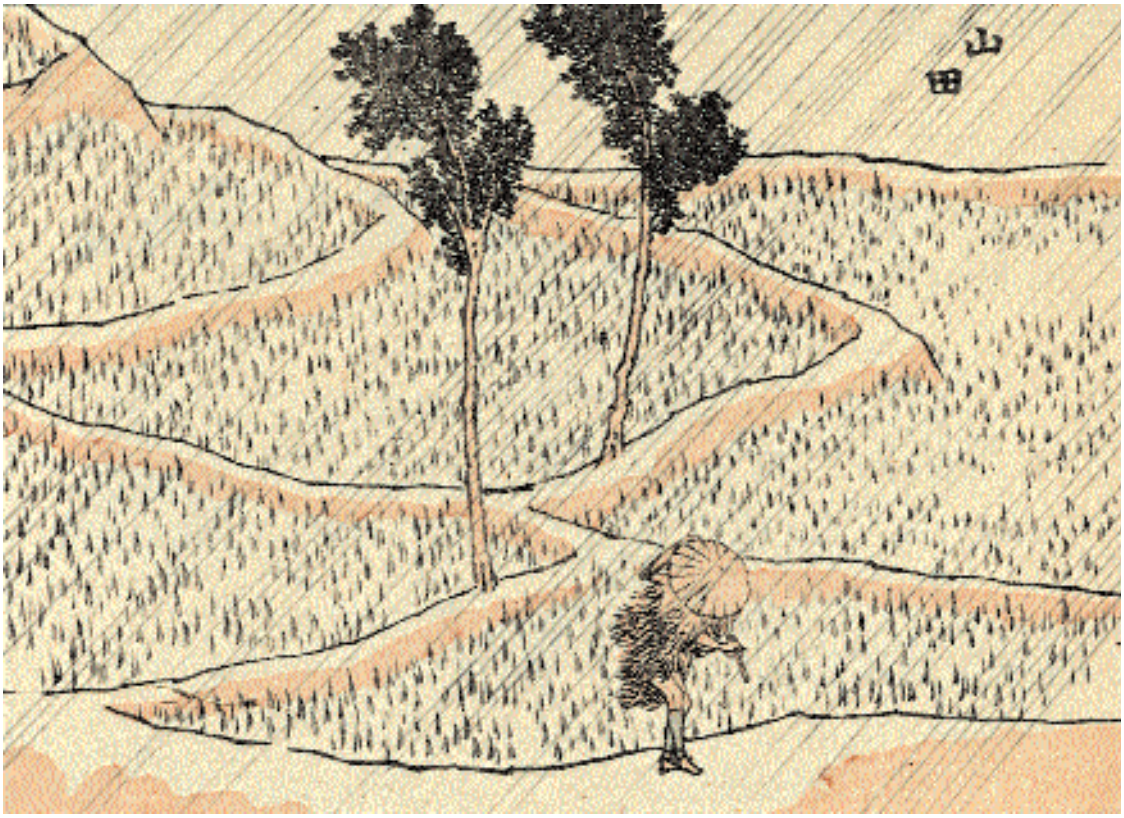
Наставляемый Кокусэном, Рёкан постигает сущность дзэн-буддизма, причём в той его форме, на которой настаивал сам Догэн, привёзший это учение из Китая в Японию. Именно здесь, в Энцудзи, Рёкан пришёл к пониманию того, что духовное обновление мира следует начинать с самого себя, с преодоления «самости» и эгоизма прежде всего в своей собственной душе. Здесь в 1790 году, за год до смерти Кокусэна, Рёкан получает от своего наставника *инка (*документ, удостоверяющий факт пережитого им озарения – *сатори*). К этому же времени относится и написание одного из самых известных стихов Рёкана «Жизнь».



Ни о чём не заботясь,
Живу, полагаясь на Бога.
Много ль надо? Немного риса, вязанка дров.
Что мне путь к просветленью?
Что богатство и слава? – Пыль...
Внимая шуму дождя на соломенной крыше,
Сижу не по уставу, вытянув ноги к костру.

Эти стихи – творение духовно зрелого мастера, результат двенадцатилетнего пребывания в Энцудзи. Именно они и послужили поводом для передачи молодому монаху *инка*, ибо выдавали в нём такую зрелость сознания, высоту и свободу духа, которые позволяли Кокусэну увидеть в Рёкане достойнейшего из учеников. Рёкан не терпел кокетства, манерности в творчестве, жеманных намёков на пережитое просветление. Отказываясь от подражания в творчестве кому бы то ни было, он был далёк от фальшивой и нередко показной демонстрации собственного усердия и устремлённости к достижению сатори. Со свойственной ему прозорливостью Кокусэн разглядел в авторе этих строк человека, чьё сознание уже освободилось от любых условностей, в том числе и от продиктованных монашеским образом жизни. Кокусэн увидел в своём ученике человека, свободного от всяких желаний и привязанностей, включая привязанность и к самому Пути, ведущему к просветлению.

Скульптурный портрет Рёкана (дерево) из коллекции Итами Мацуо.



Застигнутый ливнем,
Укрылся в маленьком храме:
Сосуд для воды и чашка для риса...
Смеюсь: точь-в-точь моя жизнь –
Тиха, скромна и бедна.

После ухода Кокусэна из жизни Рёкан покидает храм, и с этой поры начинается череда его бесконечных скитаний по стране. Это отвечало особенностям его натуры, не приемлющей спокойствия и комфорта оседлого существования, и было созвучно той традиции, которая сложилась к тому времени в монашестве. «Передвижение пешком» воспринималось как необходимый элемент духовного делания последователей дзэнского учения. «Странник, проходя по стране, существовал в соответствии с миром преходящего, Изменчивость и непостоянство реальных форм наблюдались паломником в пути, в буквальной смене визуальных впечатлений... Смотреть на мир непостоянства с чётко фиксированной [...] позиции привязанного к одному месту обывателя считалось ложным в буддийской системе ценностей»[1]. Напротив, ломая чары обыденного, странствия оказываются созвучными образу жизни и самому мировоззрению буддийского монаха, который «в акте паломничества осуществлял принцип «подвижный в подвижном», будучи на своём микроскопическом уровне изоморфным макрокосму». Способность не прирастать к быстро меняющимся и зыбким формам бытия дало рождение образному и выразительному имени, каким часто называют дзэнского монаха – *ун-суй* – «облако и вода», ибо он «плывёт как облако и течёт как вода», нигде не останавливаясь подолгу, свободный от привязанностей и страстей.

[1] **Штейнер Е.С.** Иккю Содзюн. М., 1987.

За годы паломничества Рёкан обошёл, согласно традиции, многие крупные буддийские храмы и монастыри Японии, встречаясь, по всей видимости, со многими известными дзэнскими наставниками и учителями. Но нам ничего не известно об этих посещениях и встречах, о них не оставлено никаких записей в храмовых книгах: кто же будет придавать значение визиту скромного, никому не известного странствующего монаха.

Пока молодой монах странствовал, его отец, страстный приверженец императорской власти, прибыл в Киото, чтобы присоединиться к своим единомышленникам. Он горячо переживал упадок императорского двора и в 1795 г. в знак протеста против военного правительства (*бакуфу*), обосновавшегося в Эдо, покончил с собой, бросившись в воды реки Кацура, что протекает в западной части Киото. Узнав о случившемся, Рёкан прибыл в древнюю императорскую столицу для совершения мемориальной службы. А затем, после почти девятнадцатилетнего отсутствия в родных местах, в возрасте 37 лет неожиданно возвратился домой, в провинцию Итиго. Но даже и теперь, не переставая скитаться, он постоянно меняет места жительства, пока, наконец, в 1804 году не селится у подножья горы Кугами в крошечной хижине *Кого-ан*, что означает «Хижина пяти чашек риса» – именно столько получал в качестве подаяния от близлежащего храма монах, живший здесь до Рёкана. Сегодня на этом месте выстроен Дом-музей Рёкана, у входа в который многочисленных посетителей встречает каменная стела с выгравированными на ней строками известного стихотворения:

Ветер принёс
Опавшие листья –
Достаточно для костра.

Где есть красота –
есть и уродство,
Где есть правда –
неизбежна и ложь.
Ум и глупость –
что они друг без друга?
Иллюзия и истина
слиты в одно.
Всё это старо как мир
и не мною открыто.
Я хочу это! Я хочу то! –
Как вам не надоело!
Мир изменчив –
отвечу я вам.

Двенадцать лет, проведённые здесь, среди гор, оказались самыми спокойными годами в жизни Рёкана. Питался он главным образом тем, что жертвовали ему крестьяне. Он нередко спускался в деревушку, лежавшую у подножья горы, играл с детьми, выпивал чашку-другую сакэ с фермерами, навещал друзей. Частенько принимал участие и в сельских праздниках, сопровождавшихся танцами. Впрочем, сами стихи Рёкана, которые отличает удивительная чистота и прозрачность, лучше всего повествуют о жизни их автора, о его печалях и радостях.

В возрасте 69 лет, будучи уже не в состоянии заботиться о себе, Рёкан перебрался в дом своего ученика Кимура Мотоэмона, богатого фермера из Симодзаки, где впервые встретил ***её*** – монахиню Тэйсин, которая была ровно на 40 лет моложе. Говорят, что они полюбили друг друга сразу и испытывали огромное счастье, проводя вместе время, сочиняя стихи, часами разговаривая о литературе. Умер Рёкан 6 января 1831 г. в возрасте 73 лет. Тэйсин оставалась с ним до самой его смерти и хранила верность памяти Рёкана все отпущенные ей ещё сорок лет жизни. В 1835 г., спустя четыре года после смерти Рёкана, Тэйсин опубликовала сборник его стихов, названных «Капли росы на цветке лотоса».

Рёкан был не только поэтом, но и блестящим каллиграфом. А живопись оставалась для него скорее игрой. В числе того немногого, что сохранилось от его «игры кистью»– наивный «автопортрет», выполненный в манере *дзэнки-га* («дзэнской живописи), в котором с нескрываемой иронией лёгкими штрихами он изобразил однажды самого себя.

Умением последователей дзэнского учения посмеяться прежде всего над собой, увидеть в жизни, какой бы она ни была, её весёлую и потешную сторону, находить в ней не столько трагизм, сколько игру – Божественную игру – можно только восхищаться. В дзэне, как известно, преодолению подлежат все зависимости, в том числе и зависимость от идеи совершенства, самого идеала святости. Персонажи дзэнской живописи напоминают скорее ожившие карикатуры, дружеские шаржи, созданные с поразительной непринуждённостью. Это неистощимое чувство юмора, пожалуй, больше всего и бросается в глаза, когда рассматриваешь изображения дзэнских монахов, которые ничуть

Кого-ан – хижина Рёкана в префектуре Ниигата.

Автопортрет Рёкана.

На сегодня довольно милостыни.
Бреду, болтая ни о чём,
С детьми по деревне,
К святилищу на перекрёстке...
Как был дураком,
Так им и остался.

не боятся показаться смешными, нелепыми. Персонажи дзэнского искусства живут радостно и легко. Их смех чист и безмятежен, как у детей, не обременённых напрасной озабоченностью, владеющих тайной подлинной свободы и раскрепощения души, открытых себе и миру... Их поступки часто непредсказуемы и странны и настолько не вписываются в общепринятые нормы поведения, что сами они, признавая это, с присущими им искренностью и бесстрашием могут назвать себя самыми непристойными и унижительными именами, не заботясь о своём имидже и авторитете. Они сродни тем блаженным, «дурачкам», что скитались по Руси и удивляли странностью своего поведения, но, вместе с тем, и особенной тонкостью души, способностью видеть и прозревать то, что сокрыто от глаз «правильных» и «нормальных» людей. Безумным старым монахом называл себя и Рёкан, подписывавший свои стихи псевдонимом *Дайгу*, что означает «Большой Дурак».

Поэтическое творчество Рёкана очень разнообразно и по стилю, и по форме, и по содержанию. С одинаковым совершенством он владел и японской поэтической формой (*вака, хайку*) и китайским стихосложением (*канси*). Сохранилось около тысячи его стихов, написанных в японском стиле, и около четырёхсот – в китайском. Рёкан писал в своих стихах о том, от чего больше всего болела душа, на что отзывалось сердце. А отзывалось оно одинаково сильно и на приход весны с её «нежной поступью», и на по-зимнему холодный моросящий дождь с его непременным спутником – одиночеством и тоской по родной, созвучной ему душе.

Болью и горечью отзывалось сердце поэта на людские страдания, на вечные мытарства людей, живущих в мире бестолковой суеты, неутолённых желаний и страстей, проводящих дни в погоне за ничтожными ценностями и пренебрегающих тем, что в действительности является наиболее ценным – знанием тайны человеческого бытия и судьбы.

Страдания людей, говорит Рёкан, во многом рождены привычкой подвергать всё суду, оценке, в результате которых всё бытие оказывается закованным в неумолимую схему противоположностей: белое – чёрное, истина – ложь... Мы живём в соответствии с сотворённым нами образом мира, теми внутренними критериями (хорошо – плохо, красиво – безобразно), которые в течение жизни формируются нашим социальным окружением. Подлинная же свобода, в понимании дзэнских наставников, – это освобождение, в первую очередь, от внутренних заблуждений, от попыток логически обосновать мир, объяснить, измерить его, «описать», а значит, сузить до размеров своего «я», воспринимающего действительность, как правило, сквозь призму своих интересов.

Просветлённое, исполненное мудрости сердце, живущее в созвучии с миром, иначе видит его – целостным, неделимым. Если существует «нет», то оно должно содержать «да», если существует смерть, то в ней должна заключаться жизнь. Всё негативное является обратной стороной чего-то позитивного.

Призрачный и иллюзорный характер всего сущего, подобный тающим облакам, очевиден для прозревшего сознания монаха.

Монах Рёкан исчезнет
Так же, как эти утренние цветы.
Что же останется? Его сердце.

Сердце человека, написавшего эти строки, исполнено высшей мудрости, которая есть Любовь – принимающая всё, сострадающая всему, излучающая нежность и свет. Недаром дошедшие до нас воспоминания людей, лично знакомых с Рёканом, рассказывают, что каждая встреча с дзэнским отшельником оставляла после себя ощущение «прихода весны в унылый зимний день».

Людские сердца, как и человеческие лица,
Одинаково несхожи друг с другом...
Но мы судим их собственной меркой.
И лишь похожий подойдёт нам,
А отличный останется только прохожим –
Да, в нас вся мера вещей, но как
Она далека от их истинной сути!
Так, пытаясь нащупать шестом дно океана,
Мы свой Путь изживаем, теряя возможность Иного.

Моя дверь никогда не закрыта,
Но никто еще не зашёл… Тишина.
От прошедших дождей зелен мох.
И дубовые листья беззвучно и долго
Летят до самой земли.
Заблуждение? Мудрость? – Как орёл или решка.
Весь мир или Я? – Всё одно.
День: сутра без слов.
Ночь: без дум при луне,
От которой все сходят с ума – соловьи
У реки и собаки в деревне…
Я пишу тишину в своём сердце
При незакрытых дверях…

Семьдесят прожитых лет
Я познавал натуру людей
И вижу теперь, каковы они есть:
И в дурном, и в хорошем.
Глубокая снежная ночь
Припорошила мои следы на тропинке –
Их почти незаметно…
Сижу у окна в аромате горящей свечи.

Стихотворение «Снежным вечером в травяной хижине» – одно из последних творений поэта.

Сюжет, казалось бы, прост, и стихи немногословны, зато едва ли не каждое слово, каждый образ при внимательном чтении текста оборачивается множеством оттенков, полутонов, погружает в богатую полифонию символических смыслов, стихию множества потаённых значений. В Японии, как и в Китае, издревле ароматическая палочка, имеющая определённую длину, служила своего рода хронографом, отмеряющим время, отведённое для медитации. Палочка, что покороче, сгорала за 30 минут, длинная – за 45 минут. Их и сегодня используют в залах для медитации (*дзэндо*) в дзэнских монастырях Китая и Японии. Сгорающая дотла ароматическая палочка подобна сроку жизни, иссякающему с той же степенью неумолимости. Возжигаемая во время медитации палочка благовоний воспринимается в этом контексте как метафора недолговечности бытия (*мудзёкан*) и человеческой жизни в том числе.

Янагида Сэйдзан уподобляет стихи Рёкана мозаике, искусно сотворённому витражу, выложенному из отдельных слов, образов, поэтических мотивов и символов, восходящих к разным литературным источникам, а потому предполагающих немалую литературную эрудицию читателя, его свободную ориентацию в поэтической традиции Китая и Японии.

С вязанкой дров за плечами
Спускаюсь западным склоном горы
По тропке – ухаб на ухабе!
И порою, присев ненадолго в тени сосны,
Замираю, услыша весенних птиц.

С первых же слов редко кому из японцев не придёт на память знакомый с детских лет образ Ниномия Сонтоку – прославленного учёного эпохи Эдо, вышедшего благодаря необыкновенному упорству из самых низов японского общества. Его скульптурное изображение в виде юноши, согнувшегося под тяжестью вязанки дров и с раскрытой книгой в руках, можно и теперь нередко увидеть в Японии, особенно перед воротами школ, для напоминания об одной из самых известных конфуцианских добродетелей, культивируемых на Востоке, – стремлении к учению.

Поэтика стихов Рёкана настраивает на созерцательное и предельно внимательное отношение к миру, призывает не столько смотреть, сколько всматриваться, не слушать, а вслушиваться в звуки и краски мира: будь то спокойное течение реки Танигава или шорох ночного дождя, тихий и задумчивый шелест опадающих осенью листьев. Ничто так не раскрывает душу поэта, как его стихи. А Рёкан был прежде всего поэтом, наделённым даром особого, тонкого и глубокого, восприятия действительности, чьё сердце с особой обострённостью отзывалось на все вибрации мира.

Переводы стихов Рёкана Е. Малининой под редакцией И. Меланьина. Переводы выполнены: с японского языка по книге Yanagida Seizan. Ryokan no kansi o yomu. Tokyo, 1999; с английского языка по книге One Robe, One Bowl. The Zen poetry of Ryokan. New York, Tokyo, 1977; Stephen Addiss. The Art of Zen. New York, 1989.

В оформлении статьи использованы рисунки Кацусика Хокусая из сборника «Манга»(РГБ: 3В 3–5/1) и иллюстрации из Chanoyu Quarterly: Tea and Arts of Japan. №20, 1977. (РГБ: XXX 40/56)

The heart of the old monk

The article introduces, for the first time in the Russian oriental studies, the name of Ryokan, a Zen monk and poet of the 17th century who is well-known in Japan. Taking some of the most representative verses of Ryokan, translated from Japanese and English, the author makes an attempt to present aesthetic, semantic and stylistic context of Ryokan's work, as well as to show the profundity and skill of his poetic gift based on aesthetics and the main ideas of Zen Buddhism.

Elizaveta Malinina, Ph.D. (Fine Arts),
is an Associate Professor at the Oriental Faculty, Novosibirsk State University.